

Колесник умер, бондарь
уехал в Архангельск к жене.
И, как бык, бушует январь
им вослед на гумне.
А спаситель бадей
стоит меж чужих людей
и слышит вокруг
только шуршанье брюк.

Тут от взглядов косых
горяча, как укол,
сбивается русский язык,
бормоча, в протокол.
А безвестный Гефест
глядит, как прошил окрест
снежную гладь канвой
вологодский конвой.

По выходе из тюрьмы
он в деревне лесной
в арьергарде зимы
чинит бочки весной
и в овале бадьи
видит лицо судьи
Савельевой и тайком
в лоб стучит молотком.

июль 1964